

Леонид Андреев

Сын человеческий

Леонид Андреев

Сын человеческий

«Public Domain»

1909

Андреев Л. Н.

Сын человеческий / Л. Н. Андреев — «Public Domain», 1909

«В одном великорусском небогатом селе жил старенький шестидесятилетний поп, по имени отец Иван Богоявленский. О том, как началась его жизнь, о годах его детства и юности не мог бы рассказать никто: сам он за давностью лет все перезабыл, а жена и дети, родственники и знакомые просто ничего не знали. И выходило так, будто у его жизни совсем не было начала – как не будет, вероятно, и конца. На коридор была похожа его жизнь, на длинный коридор, в котором множество глухих дверей: впереди открывается, а сзади захлопывается что-то и хоронит в тишине...»

Содержание

Часть 1	5
Часть 2	7
Часть 3	8
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Леонид Николаевич Андреев

Сын человеческий

Часть 1

В одном великорусском небогатом селе жил старенький шестидесятилетний поп, по имени отец Иван Богоявленский. О том, как началась его жизнь, о годах его детства и юности не мог бы рассказать никто: сам он за давностью лет все позабыл, а жена и дети, родственники и знакомые просто ничего не знали. И выходило так, будто у его жизни совсем не было начала – как не будет, вероятно, и конца. На коридор была похожа его жизнь, на длинный коридор, в котором множество глухих дверей: впереди открывается, а сзади захлопывается что-то и хоронит в тишине.

И чем дольше жил о. Иван, тем больше отдалялся он от людей и даже от самого себя. Когда-то ему казалось, что его знают все люди, весь мир знает его, и даже сам Бог внимательно следит за ним треугольником Своих очей; но вот прошло время, и его перестали знать, – в лесу все деревья похожи одно на другое. Главную же причину было то, что все поступки его были не те, какие надо, и все слова его были не те, какие надо; но об этом никто догадаться не мог, а сам он, если и являлось желание, так все же рассказать не умел: не было слов, какие нужны для такого странного и страшного рассказа. По виду был он низенький, сухой старичок, с реденькой, ошипанной злой бороденкой и темным, присохшим к костяку лицом; вглядевшись пристальнее в его нос, можно было заметить даже ту границу, где впоследствии образуется провал и исчезнет призрачное. Характер же у попа Ивана был скверный; часто злился поп Иван, ехидничал, при игре в карты заглядывал к соседям и вообще мошенничал, а детей в церковной школе драл за уши с жестокосердием.

И уже давно он начал проявлять некоторые странности. Так, лет за десять перед этим, когда его старший сын уже сам сделался священником, о. Иван вдруг пожелал переменить фамилию. Пятьдесят лет был Богоявленским, и отца имел Богоявленского и деда Богоявленского, и уже внуки от него пошли Богоявленские, а тут вдруг пожелал перелицеваться и выскочить из цепи, странным образом разорвав ее и концы оставивши в воздухе. Писал прошения, хлопотал, ездил в город и давал в консистории взятки, но ничего не добился, так как не мог представить уважительных причин.

– Какой же я Богоявленский? – говорил он, раздраженно пощипывая бородку, но более обстоятельного объяснения представить не умел. И прошения свои писал он так:

«Нося от отца моего, как бы в дар, наравне с прочим наследственным имуществом, фамилию Богоявленского и не будучи по существу таковым, свидетельствуюсь перед Вашим Высокопреосвященством о моем непременном желании заменить сей неподходящий знак более вразумительным и к существу моему ближайшее отношение имеющим; при выборе же одного и не имея собственной мудрости полагаюсь на мудрость выше меня стоящих». И подпись следовала такая: «протоиерей Иван без фамилии».

В последних словах прошения было больше ехидства, нежели истинной скромности: уже заранее в потаеннейших мечтах своих он дерзко решил отказаться от всякой предложенной ему фамилии и просить для себя номер – пятизначное число, последняя цифра которого должна быть 9. И число он уже знал, но открыть его хотел только в конце.

Но до этого дело не дошло. Начальство посмотрело на просьбу хмуро, как на вредное чудачество, да и дети, особенно старший, Николай, были против перемены фамилии; и так и остался о. Иван – Богоявленским. Первое время он раза два рискнул подписаться в служебных

бумагах: «протоиерей Иван Богоявленский по принуждению». Но, получив строгий выговор, отказался от дерзости.

Затем, уже совсем недавно, он выписал из столицы граммофон, хотя был скуп и никаких удовольствий, даже хорошего стола для себя, не допускал. Но духовных песен взять не пожелал, а потребовал от магазина светской музыки, какую играют на балах. Ему прислали мазурки, падекатры, лезгинку и даже гопака, и он слушал все это в одиночестве, – постороннего присутствия не любил. Потом выписал рассказы из еврейского и армянского быта; и часто ночью, когда попадья уже спала, в соседней маленькой комнатке, пугая, вдруг раздавался незнакомый гнусавый, страшно торопливый голос, точно катившийся по железу и временами путавшийся в своих собственных звуках. Нельзя было понять, о чем он говорит; и когда он начинал смеяться коротко и деловито, но с удивительной развязностью – попадья крестилась, поп же маленькими шажками прохаживался по комнате и многозначительно поглядывал в темные оконца, за которыми нерушимо и злобно лежала тяжелая осенняя деревенская ночь.

От этого граммофона сошел с ума щенок, которого о. Иван, толкаемый злым любопытством, пожелал насильственно приучить к музыке и рассказам из еврейского быта. Сперва щенок довольно бодро лаял на граммофон и как-то особенно, по-собачьи, становился на цыпочки, чтобы заглянуть в трубу, но вскоре стал визжать, трясся от страха и недоумения и прятался под стулья и диван, застревая в узких местах, так как был толстенький. Но о. Иван, злясь, вытаскивал его за ворот мягкой, как бы на рост сделанной шубы и заставлял слушать незнакомый, торопливый голос, катящийся по железу. Случалось, что щенок начинал кружиться очумело: припадал на передние лапки, особенно на левую, и, стукаясь об пол большой, тяжелой головой, двигался по неправильным, полным ужаса кругам, – тут поп Иван делал ему передышку; но по прошествии времени снова заводил машину.

Делал он это настойчиво и безжалостно, и щенок таки не выдержал: сошел с ума. Он с недоверием и подозрительностью относился к каждому предмету, стоявшему молча. При всяком же голосе, звуке или песне приходил в состояние крайней тревоги и, фыркая, разыскивал голос не в человеке, а позади его. Потом начинал выть от ужаса и прятался в лопухах. Повидимому, у него являлось временами желание разобраться в страшной путанице жизни или умиловить ее покорностью: он вилял хвостом перед граммофоном и делал вид, что любит его, – но при первых же звуках громкого зловещего шипения, предвещавшего наступление таинственного голоса, не выдерживал и бежал в лопухи. О. Ивана щенок боялся, как злого духа, начальника всех адских сил; и расти щенок перестал. Весной во время разлива щенок утонул в реке: очень возможно, что он покончил самоубийством, отчаявшись найти правду жизни. К гибели щенка все отнеслись равнодушно: в своем страхе и жалких виляниях хвостом он не был даже забавен и наводил скуку. Но о. Иван очень жалел, что щенок умер, не пройдя всего предназначенного ему пути: у о. Ивана был план, скорее мечта – свезти щенка в город и показать ему живую, движущуюся фотографию. Даже до бессонницы доходил маленький поп, яростно мечтая, как бы все это произошло: как бы ничего не подозревая, щенок смотрел на белую, светящуюся стену, и что бы он выразил на своем собачьем лице, когда по стене молча – совершенно молча забегали бы люди и собаки. Да, жаль, что умер.

Часть 2

Со вторым и с третьим щенком дело не пошло: повыли немного и стали равнодушны – по-видимому, не все собаки так чувствительны к граммофону, как был покойный. И особенно плох оказался второй из пробных щенков – кудлатый песик с желтыми, как янтарь, глазами: в самых сильных местах он задира л заднюю лапу и яростно, но по-детски промахиваясь, чесал себе за ухом.

И такое чувство было у о. Ивана, будто разбил он единственное зеркало и не во что ему теперь поглядеться.

Часть 3

Еврейским погромам о. Иван очень радовался.

– Жидов надо бить, – говорил он коротко, с колючей сухой злостью, и делал ударение на слове «надо».

Но и тут подтвердить доказательствами своего мнения он не мог или не хотел, – его трудно было разобрать. Из граммофонного магазина он выписал, на этот случай, еврейскую музыку, и ему прислали какого-то знаменитого кантора, певшего с хором. Сперва о. Иван слушал его, по своему обыкновению, в одиночестве, ночью, но потом, как-то в праздник, устроил у себя большой съезд, пригласил соседнее духовенство и родственников и торжественно преподнес им кантора. Хотя в это время мода на граммофоны распространилась широко и почти у каждого состоятельного иерея имелся свой инструмент, но такой музыки не было ни у кого, и слушали со вниманием и смехом. Была одна такая песня, кажется, погребальная, в которой невидимый певец захлебывался скорбью – не плакал и не пел он, а кричал истово и безумно, как путник в лесу под ножом разбойника.

– Ай да жид! Как его разбирает, – говорили с восторгом слушатели, плохо понимая, в чем дело.

Отец же Иван, пощипывая бородку и закрыв глазки, вслушивался бескровным ухом в отчаянные вопли и размышлял о том, есть ли у граммофона душа, или же одни только звуки. Но, во всяком случае, это было не то, что надо. Посмотрел испытующе на слушателей: кои бессмысленно гогочут, кои равнодушны и дремлют; косматый, хмельной о. Эразм Гуманистов закрыл глаза и сопит – вот-вот, кажется, поднимет ногу в тяжелом окованном сапоге и почешет себя за ухом. Не то. И разве только чахоточный дьякон – один-единственный среди собравшихся – обнаруживал признаки желаемого волнения.

– Ах, Боже ты мой, и где у него этот голос сидит? – с тревогою вопрошал дьякон и протягивал к машине указательный согнутый палец, но коснуться не смел. – То он тебе жид, то он тебе баба... А под собаку он может? Может. Нет, отцы, я бы этот граммофон истребил: уж очень он совесть тревожит. Подлец его выдумал, вот что я вам скажу, отцы.

Отцы посмеялись над невежеством дьякона, но потом серьезно заспорили, был ли изобретатель подлец или хороший человек. Но решить вопроса не могли; и всех смутило предложение попа Ивана – за неимением певчих поставить на клиросе граммофон с надлежащим духовным песнопением.

– Это идея! – сказал недавно окончивший семинарист, сын о. Сергея Знаменского.

Но сам о. Сергей раздумчиво покачал лысой головой и усомнился.

– Так-то оно так, но вот в рассуждении баб. Бабы не выдержат.

– Но а что такое бабы? – горячился семинарист. – Как можно в таком важном вопросе...

– Нет, не вынесут этого бабы, – настаивал о. Сергей. – Скандал будет. Нехорошо.

– Можно приучить, – отозвался о. Иван. – Эка, бабы!

– И что вы говорите, отцы? – беспокойно совался дьякон и тарашил большие, немигающие, застывшие глаза. – Тогда и вместо вас, отец Иван, можно граммофон поставить.

– Можно, – согласился о. Иван. – Отчего же нельзя.

– И вместо меня тоже граммофон? – волновался дьякон.

– И вместо тебя граммофон. – Поп Иван начал злиться. – Эка, подумаешь, птица какая: вместо всех граммофон можно, а вместо него нельзя. Еще лучше будет. И голос чище, и не соврет, как ты. Тоже, артист!

Дьякон оскорбился и даже загрустил. Но при расставании поп Иван ласково потрепал его по плечу и отвел к стороне.

– Ты не сердись, дьякон, я пошутил. Я тебя, отец дьякон, люблю.

- Ну, уж какая это любовь, – горько усмехнулся чахоточный дьякон.
- Верно. Ты вот что, ты приходи-ка вечером, вместе будем граммофон слушать.
- Нет, уж увольте, отец Иван, – выставил дьякон обе ладони. – За ласку благодарю, а что касается граммофона, то я еще совести не потерял.
- Вот дурак-то – я тебе веселую поставлю.
- Нет, уж увольте. Мне душа дороже вашего веселья. О. Иван обозлился, и бороденка у него затряслась.
- Скажи пожалуйста... А еще есть ли у тебя душа-то, ты бы подумал. Может, пар.
- После такого возражения... – солидно начал дьякон, но поп у самых ног его плюнул на пол и зашаркал по плевку мягкой туфлей.
- Тьфу – вот твоя душа! Я, может, его больше вас всех уважаю.
- Его?
- Его.
- Граммофон?
- Граммофон.

Расстались в ссоре. Но дьякон был добрый и деликатный человек, и уже скоро его стала грызть совесть, что он обидел старика. Не выдержал и дня через три после гостей утречком пошел к о. Ивану извиняться.

Стояла поздняя весна, и на солнце было жарковато, но чисто и приятно; а в домике у попа было душно, неряшливо и крепко пахло чем-то плохим. Уже два месяца у попа Ивана гостила замужняя дочь с грудным ребенком, и по всему дому стоял острый запах детских пеленок, которые она, не прополаскивая, сушила перед всеми печками. И похоже было на то, что со времени гостей ни комнат не убирали, ни полов не подметали.

- Чего надо? – спросил о. Иван.
- Да что, отец Иван: вы уж меня простите, не понял я вашей шутки, – покался дьякон.
- Садись.

Дьякон сел и со страхом покосился на никелированную трубу граммофона; вздохнул и перевел глаза на мокрые пеленки, развешанные на веревочке у белой кафельной печки.

- Вы уж простите, отец Иван.
- Бог простит.

Поднял кверху седенькую злую бороденку, крепко сжал сухие старческие губы – смотрит в потолок, поигрывает пальцами и молчит. «Э, да никак он нынче и не умывался», – подумал дьякон, и вдруг ему показалось, что в комнате запахло псиной, будто под диваном собака. Дьякон завожился на стуле и с надеждою взглянул на окно, где воля, – оказалось, что и зимние рамы еще не вынуты, и грязная вата с разбросанными по ней язычками красной и синей фланели лежит так тошно, будто от нее вся эта духота и жар. И еще явственнее запахло псиной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.